

Федина Ирина Михайловна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры сервиса и туризма
Кубанского социально-экономического института
тел.: (929) 831-61-27

**КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
И ИНОГОРОДНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ
ПАРАДИГМ КУБАНСКОЙ СТАНИЦЫ**

Аннотация:

Изучение процессов взаимодействия казачества и иногороднего населения является, на наш взгляд, одной из важных задач в исследовании истории Кубани, так как влияние этих процессов на самобытный этнокультурный облик казачьих станиц Кубани неоспоримо, особенно в период политической трансформации общества.

Ключевые слова:

иногородние, казачество, переселенцы, землеустройство, этнокультурная общность.

Fedina Irina Mikhailovna

Candidate of History, associate professor of
the chair of service and tourism,
Kuban Social and Economic Institute
tel.: (929) 831-61-27

**KUBAN COSSACKS
AND NONRESIDENT POPULATION
AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES
AS A REFLECTION OF SOCIAL
PARADIGM OF KUBAN VILLAGE**

The summary:

The study of the interaction of the Cossacks and the nonresident population is, in our opinion, one of the important tasks in research of the history of Kuban, as the impact of these processes on the distinctive ethnic and cultural image of the Kuban villages is undeniable, especially during the period of political transformation of the society.

Keywords:

nonresidents, Cossacks, settlers, land management, ethnic and cultural community.

Существование этнокультурной общности казачества в социально-политической структуре российского государства оберегалось во многом благодаря культуре, традициям и устоям, исторической преемственности поколений. Социальный статус, образ жизни, верность воинскому долгу, свобода и в то же время замкнутость казачьей общины являлись важным фактором организации кубанской станицы.

Осознание казачеством своей обособленности и исключительности повлекло за собой противопоставление пришлому населению, именуемых «иногородние» или «городовики». И на многие поколения одним из важных факторов существования кубанской станицы стала сословная регламентация, которая определялась лишь двумя классами – казаками и иногородними.

Необходимость экономического освоения территорий, занимаемых казачьим войском, уменьшение населения в результате войн, болезней побуждали кубанское войсковое правительством принимать в свои общины население из разных губерний, численность которого возросла в пореформенный период.

С образованием Кубанской области в 1860 г. последовал приток переселенцев из крестьян центральных губерний России, составивших на Кубани иногороднее население. Особенно большой приток переселенцев отмечался после издания положения 1868 г. «О дозволении лицам не войскового сословия приобретать недвижимую собственность в казачьих землях», разрешившие селиться и покупать земли, не спрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества [1, с. 140].

Кубань как земледельческая область остро нуждалась в рабочей силе, но переселенцы, прибывающие на Кубань, не становились казаками.

Противопоставление казаков и иногородних выражалось, прежде всего в регламентации прав «не казачьего» населения на землю. Исторически сложившиеся права на землю выгодно отличали казачество от других социальных групп населения.

Иногородние – большинство из них крестьяне – арендовали у казаков всю свободную, не засеянную ими землю, которые выгодно сдавали ее в аренду, и в отношении безземельных иногородцев становились коллективным помещиком. Войсковая земля, существовавшая в виде общей земельной территории, распределялась между общинами, на долю которых приходилось наибольшее количество земли. Пожизненные офицерские наделы в таких общинах были обращены в частные, потомственные владения, а оставшиеся за разделом войсковые земли и угодья оставались в общем нераздельном пользовании всего войска. Но поскольку остатки войсковых земель с течением времени получили иное назначение, то важнейшими формами землевладения казачьих войск нужно считать общинные земли или юрты и частные владения.

Процессы капитализации, тяготы военной службы и, наконец, неумение использовать паи ухудшили положение казачества. Виновником этого посчитали иногородних, несмотря на то, что они жили в своей массе гораздо беднее казаков. Если иногородних объединяло в основном своего рода полукрепостническое положение, то внутри их было резкое классовое деление, которое впоследствии прекратило сословную рознь между казаками и иногородними.

К концу XIX в. в рядах иногородних проходил процесс капиталистической дифференциации, уравнивающий разные слои с казачеством и сеющий социальные противоречия внутри лагеря иногородних. Иногороднее население подразделялось на коренных крестьян, которых иногда называли «вечняки», хозяйственно-крепкие составлявшие 23,1 %, оседлые, имевшие меньше земли и занимающиеся промыслами 46,1 % и так называемые квартиранты, не имевшие оседлости, батрачившие у казаков и зажиточных иногородних [2].

По утверждению С. Ауского, «отношения казаков с иногородними никогда не были хорошими. Иногороднее население нарушало традиционный уклад жизни казаков» [3, с. 87]. Для «неказачьего» населения вводилась строгая регламентация на занятия различными видами хозяйственной деятельности. Предписаниями войскового начальства запрещалось пользоваться природными ресурсами, вступать в брак с казаками или казачками, и даже посещать церковь. Иногородних лишали права учить детей в общих школах; и если их количество превышало количество казаков, то такую школу закрывали. Возможность получить образование можно было лишь за счет благотворительных обществ. Кроме того, им запрещено было пользоваться общественными магазинами и больницами. В пьесе Митрофана Седина «Маруся казачка» читаем: «Разве можно жить тут, когда тебя каждый пьяница в черкеске называет бродяга – бездомной собакой. Здесь куском хлеба подавишься. Презирают, будто бы мы пришли из какой-нибудь турецкой или другой поганой земли, а не из православной святой Руси» [4].

До 1917 г. в пределах территории Кубанского казачьего войска насчитывалось 2 800 000 чел., населения, из которого 43 % составляли казаки, 53 % иногородние и 4 % горцы [5]. В общей своей массе казачество до 1917 г. считалось зажиточной частью населения, так как пользовалось большими привилегиями в земельном вопросе. Форма землепользования строилась по принципу наделения каждого казака, достигшего 17 лет, земельным наделом в определенном количестве десятин. В некоторых станицах этот надел доходил до 10 десятин, средний же душевой надел доходил до 5 дес. Параллельно с этим иногороднее население, составлявшее половину всего количества жителей, указанными правами не пользовалось. Им только предоставлялось право арендовать или покупать землю. Последняя категория исчислялась единицами, а основная масса иногороднего станичного населения вынуждена была батрачить или, при возможности, арендовать землю у казака. Такое положение вещей не устраивало иногороднее население, которое в конечном итоге объявило «об организации на Кубани «не казачьего» населения». Первый съезд иногородних Кубанской области, состоявшийся 6 ноября 1917 г. в Екатеринодаре, постановил: «Сделать иногородних полноправными сынами родной Кубани может лишь организованная борьба за права, готовность их к жертвам и создание организации с мощным капиталом» [6].

В декабре 1917 г. Кубанская рада утвердила программу, в которой декларировалось: «Все земли Кубанского казачьего войска, леса, рыболовные воды как лежащие внутри Кубанской области, так и морей омывающих берега ее на семиверстном расстоянии, и прочие угодья со всеми недрами как историческое достояние Кубанского войска составляют неотъемлемую собственность казачьего войска» [7]. В сущности, это сводилось к следующему: форма землепользования остается прежней, в первую очередь землей наделяются казаки.

Лишь установление советской власти на Кубани в 1920-е гг. стало благоприятной почвой для восстановления прав «неказачьего» населения.

Однако вражда между двумя сословиями усилилась особенно в период землеустроительной кампании 20-х гг. Уравнение в земельных правах с казачеством рассматривалось как посягательство на исконные права на землю, завоеванную отцами и дедами, так как переделу подлежали потомственные казачьи наделы. На практике получалось так, что у казака забирали часть пая и отдавали иногороднему, а казаку дорезали за счет соседа казака, потом снова иногороднему и так далее. Положение усложнялось тем, что большинство иногородних не имело ни лошадей, ни инвентаря. Некоторые казаки брались за оружие, другие арендовали землю у «иногородних» под будущий урожай, зачастую, увеличивая таким образом площади под посевы. Казаки, по мнению В. Ставского, в конце концов, становились кормильцем иногородних [8, с. 18].

Поскольку земля являлась главной доходной статьей кубанцев, вопрос взаимоотношений казаков и иногородних оставался открытым. Эпизоды из сословной вражды отложились в документах архивов. Например, в Приморско-Ахтарском районе казак-средняк станицы Ольгинской при разговоре о землеустройстве в группе казаков по адресу иногородних: *«Нехай нарізують, щоб їх різачкой різало, а тім бісовим душам, хто сяде на ныши землі – горе будэ, як прийдуть наши, им дамо землі по три аршина»* [9].

В Медведовском районе по вопросу предоставления земли иногородним казачество заявляло: «Наделение землей иногородних неправильно, так как земли завоеваны нашими дедами кровью, поэтому исключительно нам казакам и должна принадлежать» [10].

В станице Каневской среди казачества наблюдались открытые разговоры, что «советская власть боролась за нашу казацкую землю, чтобы ею наделить пришельцев на Кубани» [11].

В Кавказском отделе казачество чуть ли не открыто призывало отомстить иногородним за землю, сады и прочее. Часть выступавших на собрании казаков заявляла, что со всей России на Кубань «съехалось много голодающих и хотят отобрать землю у казаков. Пока еще не поздно, – говорили они, – мы должны просить власть выселить наезжих из пределов Кубани и не дать им земли». Иногородние и бывшие красноармейцы, доказывая свое право на землю, отмечали: «Если не дадите нам земли, мы вынуждены вновь взяться за винтовку» [12].

Одним из активных методов борьбы с иногородними стало распространение листовок и анонимок о скорейшем приходе «наших».

В Абинском районе по станице были развешены воззвания следующего содержания: «Никто не беритесь иногородним пахать землю, а кто возьмется, тот будет убит. Лучше не бери, а то погибнешь» [13].

С установлением советской власти на всей территории Кубани начался период лихорадочного советского строительства. Во всех населенных пунктах были избраны органы советской власти (советы и ревкомы), причем сразу же раскрылось, что иногороднее население целиком и полностью поддерживало советскую власть. В станицах руководящую роль, по мнению компетентных органов, выполняли в тот период, иногородние, почти поголовно сторонники советской власти. Было принято считать, что все иногородние – большевики, а все казаки – контрреволюционеры. Это мнение, безусловно, имело под собой почву: Красная гвардия и армия в 1918–1920 гг. состояла на 94 % из иногородних и лишь 6 % казаков, в то время как белая армия (Кубанская) состояла на 90 % из казаков. Приблизительно таким же оставалось положение и в последующие 1920–1930 гг., то есть огромное подавляющее большинство казаков не симпатизировало советской власти, а иногороднее население за редкими исключениями стояло на советской платформе [14]. Если принять во внимание состояние сословных отношений между казаками и иногородними в 1922–1924 гг., то есть до новой политики в деревне, состояние характеризовалось господством иногородних, главным образом, бедноты и полным отстранением всего казачества от всей общественной работы и от советского строительства.

В дальнейшем последовали значительные изменения. На местах стало проводиться «расказачивание», то есть своеобразное осуществление декрета об уничтожении сословий, в результате которого сотни тысяч казаков стали жертвами режима. Иногородние срывали с казаков черкески, папахи, кинжалы, сопротивляющихся объявляли контрреволюционерами и карали: бессистемно захватывали казачьи земли, делили урожай на казачьих землях и т.д. Разрушения коснулись не только внутренней структуры организации общества, но и проявлялись внешние признаки, такие как уничтожение традиционного уклада хозяйственной жизни и быта казачества. В результате этих деяний советской власти будет сломлена казачья воля, предадут забвению былую славу и навсегда исчезнут многие казачьи фамилии.

В конце 30-х гг. борьба между казачеством и иногородними уступила место борьбе между кулаками и бедняками. Если раньше критерием политического равновесия станицы служило соотношение количества казаков и иногородних, то теперь эта мера уходит на второй план.

Ссылки:

1. История Кубани: учеб. пособие под ред. В.В. Касьянова. Краснодар, 2009.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК) ФР. 411. Оп. 2. Д. 341. Л. 13–14.
3. Ауский С. Казаки: особое сословие. М., 2001.
4. Седин М. «На Черномории. Маруся казачка». Екатеринодар, 1911.
5. Архив ГУВД Краснодарского края (далее АГВДКК) ф. 18. Оп. 1, Д. 16. Л. 54.
6. ГАКК ФР 411. Оп. 2. Д. 341. Л. 154.
7. АГВДКК. ф. 18, Оп. 1, Д. 9. Л. 3.
8. Ставский В. П. Кубанские очерки. М. 1930.
9. АГВДКК. ф. 18, оп. 1, д. 16. Л. 3–16.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Центр документации новейшей истории Краснодарского края Ф. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

References (transliterated):

1. Istoriya Kubani: textbook under ed. of V.V. Kas'yanov. Krasnodar, 2009.
2. Gosudarstvenniy arkhiv Krasnodarskogo kraya (further GAKK) FR. 411. Op. 2. D. 341. L. 13–14.
3. Auskiy S. Kazaki: osoboe soslovie. M., 2001.
4. Sedin M. "Na Chernomorii. Marusya kazachka". Ekaterinodar, 1911.
5. Arkhiv GUV D Krasnodarskogo kraya (further AGVDKK) f. 18. Op. 1, D. 16. L. 54.
6. GAKK FR 411. Op. 2. D. 341. L. 154.
7. AGVDKK. f. 18, Op. 1, D. 9. L. 3.
8. Stavskiy V. P. Kubanskiye ocherki. M. 1930.
9. AGVDKK. F. 18, op. 1, d. 16. L. 3–16.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraya F. 8. Op. 1. D. 25. L. 5.